

Адриан Пошехонский приходит «в пределы Пошехонские»,¹⁵ «в тех странах вселися преподобный промежа веси Белые и Патробольские, и Шелшедамские, и Веретейския, и Кештомские, и Ухорския на дикий лес» (л. 12 об.). Здесь он сначала ставит келью, затем строит церковь и постепенно создает монастырь. Одни из окрестных жителей рады тому, что около них возникает святая обитель, другие же, «невежи», «глаголют», яко «на придвориях наших черницы вселяются да обладают и нами» (л. 17). Более всех раздражены созданием и разрастанием монастыря жители Белоселья. В конце концов они «уложих себе в злой мысли своей разорити пустыню и преподобнаго игумена со ученики погубити и собранием преподобных своя домы исполнити» (л. 18). В ночь со среды на четверг 5 марта 1550 г. «вооружилися злодеи белосельцы ови в доспехах с мечи, а инии в саадах, а инии с копий и с рогатины» (л. 18 об.) и напали на монастырь (к этому времени братия монастыря насчитывала 42 человека). Когда нападающие ворвались в монастырь, Адриан спрятался «под задний дровяник», но его нашли. «Оцепих ужем игумена за гортань и влечаху его в преднюю келию, и въздаша ему различные муки — рвуще бритвами тело его, и огненными лучами прижигают, рекуще и глаголюще: „Где суть животы ваши и статки?“». Адриан отвечает: «Животы наши у всемилостиваго Спаса на небесах и статки наши на земли. Ослабите ми мало, изму их и воздам вам в руки». Взяв «корчажец», «в нем же четьредесять рублей», святой отдает его и говорит: «Теми статки и сим серебром церковь было болшую создати во имя пречистыя богородицы вкупе со мною братии». На это ему отвечают: «Мы тебе созиждем своею силою часа сего». «Горка ми есть ваша церковь и тощно созидание ваше», — отвечает на это Адриан и не как подвижник и мученик за веру, а просто как человек просит белосельцев: «Се сребро, созидание наше и животы мои в руке ваю, и статки наши вне келии моя, а в пределах множество черноризец. Отпустите мя бога ради, братия моя, в Корнилиев монастырь чернечествовати. Да никако же возвращуся семо, и спасу душу свою тамо, у отца своего Корнилия». Но неприязнь белосельцев к святому так велика, что они, насмехаясь над его просьбой, говорят: «Мы тебе воздадим шлем спасения и пошлем тебя к царю небесному» (лл. 19—19 об.). Повесив Адриана, белосельцы грабят монастырь: «Выграбиша имение все обительное: мед и воск, книги и масло, ларцы и платие, и сосуды всякие, и всякое собрание, еще же и кони и возы покутаху» (л. 20 об.). Автор не останавливается на этом, а продолжает рассказ о дальнейших перипетиях, связанных с историей ограбления монастыря, хотя непосредственного отношения к жизни святого они, по существу, уже не имеют. Оказывается, нападение на монастырь было совершено «по благословению» священника церкви Георгия «в приходе тех убийц» Косаря. Один из нападавших на монастырь утаил ларец, «начася в нем злата много и сребра, и всякого имения», но, открыв его, он увидел, что там лежат образы, краски и кисти — «сподоба иконная» (л. 21). Он приносит все это к Косарю, и тот «нача себе сетовати и глаголати: „Се же бе на нас поличное, се злое, а не корысть предлежит. Где бе таково сокровище скрыти?“». Косарь «приницает» «семо и овамо», говоря: «Реки не имам, прудища у нас не лучилось — не вем, где скрыти святая?». Эти сетования слышит «сослужебник» Косаря «рекомый Баба». Он, «восмеяся», говорит: «Безумен поп: не весть, где положить, восхоте разбоя творити, такожде и душ человеческих побивати, устроих себе от неправды богатство собирати и красти у сосед

¹⁵ Текст цитируется по списку ГБЛ, собр. Ундольского, № 273.